

ОТСЧЕТ ОБРАТНО

Рассказ

1

Я живу в небе. Плыву в воздухе своих эмоций. Я боюсь нырять в глубину своих страхов и боюсь эйфории. Мне нравится спокойное существование, нравится это пространство. Я согреваю его вокруг себя, мужа, детей. Мне нравится изгиб моего позвоночника и то, что в воздухе я не могу утонуть, а значит, я свободна.

2

За окном лес. До самого горизонта. Он великолепен своей медленной изменчивостью, вослед временам года. Его медленная жизнь успокаивает.

А в небе летают птицы. Они летят на той высоте, где я живу. Птица идеально сложена. Она вытягивается в струнку. И полет становится возможен.

Лес в июне — симфония птичьих трелей с трех и до десяти утра. Сейчас начало весны, и птицы поют едва-едва.

3

Забрезжит рассвет, и нет сна от восторга. Нахлынет волной эйфория, но где есть верх, есть и низ. И я боюсь упасть на дно.

На днях мне показалось, что Нил — старший сын, подросток — с друзьями, глубокой ночью, что-то курил. Я стояла, завернувшись в детское байковое одеяльце у дверей кухни, откуда доносились щелчки, вскрикивания и возбужденные голоса подростков. Побоялась войти. Я боюсь нырять в глубину своих страхов.

Следующим днем мы с Нилом ехали в трамвае на вечернюю службу. Было уже темно. В трамваях хоть и тепло, но двери, открывающиеся на каждой остановке, выпускают промозглый мартовский воздух, от чего зябко. Сын сидел ближе к окну, плакал. Я не спросила почему. Он бы все равно не ответил. Я помолилась, чтобы часть его боли перешла мне. Сын заснул. Линия губ стала совсем мягкой, по-детски пухлой.

Я ныряю в глубину своих страхов. Здесь у меня нет семьи, мужа, детей. У меня ничего нет, кроме сдаваемой квартиры, мамы, у которой я живу, и приятелей-наркоманов. Мне бесконечно одиноко в промозглом городе в конце марта. Лица прохожих безразличны, в них нет ни участия, ни поддержки.

Я кричу, что нам всем нужно любить друг друга. Я хочу, чтобы был конец августа, прогретый за лето асфальт, долгие вечера и время отпусков. Я хочу, чтобы не было того, что есть. И я молчу. Я хочу молиться, но жизнь разучила меня молиться.

Я вижу потухшие взгляды на хмурых, не ждущих ничего хорошего лицах. Чувствую холод и приближающуюся ночь. Ночь, в которой я живу. В ней нет ни света, ни спокойствия, ни тепла. Я разучилась спать. Плохо. И «плохо» возведено в третью степень.

Я на дне. Я в худшей прослойке общества. И уже не стыдно, что я — часть тусующейся, употребляющей наркотики молодежи. Нет ничего, и мы свободны.

Впрочем, нет! Есть «лед». Он в отношениях, под ногами и в душах.

Страх. У нас есть страх. Он садится мне на колени и смотрит в глаза.

Свет машин, красный, рыжий и зеленые цвета светофоров гонятся за трамваем, режут глаза.

Глаза плачут. Пелена бессильных слез смазывает картину ночного мегаполиса.

Ледяные айсберги ужаса плавятся от слез.

Когда человек плачет, его душа что-то понимает. Моей душе нечего понимать. Она на дне. Так зябко и худо в трамвае.

Мне больно, и я плачу. А сын спит. Линия губ стала совсем мягкой и по-детски пухлой.

4

Происшествие на кухне было какой-то детской шалостью. Мой сын не похож на наркомана по поведению и духу.

Я помню, когда ему было три года, мы часто ходили с ним на литургию в ближайший храм. Мы почти бежали, чтобы не опоздать. А вокруг, в потемках зимнего утра, люди спешили на работу.

Низко висящие тучи нанизаны на небольшой крест. Монстры домов окружили пятнышко жизни. Каждый день здесь служили литургию. И мы ходили каждый день, на протяжении двух с половиной месяцев. И я благодарила за каждый такой день.

Священники менялись, оставались изо дня в день только мы и одна старушка со свечами. Все иконы в храме были новые. Он весь блестел новизной, чистотой и мрамором. Это так не вязалось со старинными текстами молитв.

Потом мы медленно возвращались домой. День был светел и бел. На белом снегу черные вороны искали съедобные следы урбанизации. Их перья поблескивали синевой небес. Клювы острые и черны. Каждый маленький черный глаз жил собственной интересной и настороженной жизнью.

Во дворе — свора собак. Их держал местный сторож парковки, седой безымянный старик, с вечно немойгой головой. Собаки бросались с хриплым лаем вслед всем прохожим и машинам. Казалось, что собаки — это какое-то животное продолжение или воплощение сторожа. Что они в одном возрасте и настроении, так были они похожи, сторож и его собаки.

Наши ноги оставляли на снегу никому не нужные следы. Их смывал дождь и засыпал снег. Иногда они превращались в лед. Позже, в оттепель, все те же вороны пили из них воду.

Лифт был удивительно грязен и вонюч. С разбитым зеркалом и исписан непопребщиной. Ее приходилось читать каждый день несколько раз. Своей навязчивостью она напоминала заклинание, которое хочешь не хочешь, а нужно прочесть, иначе лифт не тронется. Зато при переезде мгновенно забывалась.

В нашей квартире было пусто и тихо. Нил смотрел на меня взрослыми глазами и вел себя по-взрослому. Только спал днем и не умел читать. Мы сиделись обедать кривками и салатом. Мне казалось, что это вкусно. Потом он спал, а я читала что-нибудь из святых отцов. Сын просыпался, вечер сменялся ночью.

Это было не счастье, но и не несчастье. Странное времяпровождение двух потерявшихся маленьких людей.

5

С первой девочкой, которая ему нравилась, Нил познакомился, когда еще был в утробе. Мы дружили с ее мамой. Я назвала сына Нил. Девочка родилась тремя месяцами позже. Ее назвали Таукель. Тау, в переводе с балкарского значит «гора», а кель — «озеро». Собственно, такого имени не существует. Впрочем, теперь уже существует. И девочка с таким именем живет высоко в горах. Кожа ее бела и свежа, как снег, которым живут люди той местности. Глаза меняют цвет, как меняет его небо, в которое смотрят люди той местности. А черты настолько правильны, что даже страшно смотреть, а не смотреть невозможно. Ее красота как вздох, безукоризненна.

Когда трехлетнего сына я кормила на обед супом, то говорила, что попавшийся лавровый лист — это письмо.

— От кого же это тебе пришло письмо? — спросила я. — Наверное, от Таукель.

И на лице сына расцветала нежная улыбка.

Когда пятилетнего Нила спросили, есть ли у него друг, он загадочно ответил, что друг есть и зовут его Таукель.

С семи до десяти лет Нил и Таукель были очень дружны. Ходили в одну школу. А потом ее отбил у Нила сын отцовского друга, который в свое время отбил у Нилова отца невесту. Отец переживал, пошатнулось здоровье, и он вынужден был бросить институт.

А теперь я часто видела Нила, выходящего из ванны с заплаканными глазами.

— Это же как прививка, — говорила я ему. — Хорошо, что это случилось сейчас, а не как у твоего отца. Не повлияло на твою карьеру и судьбу.

Таукель удалила Нила из друзей в соцсетях, они живут далеко друг от друга и не общаются.

6

Нил из отрока превращается в красивого юношу, с правильными чертами лица и долгим взглядом из-под мягких ресниц. У него хороший вкус и много друзей. Он быстро схватывает все новое и интересное.

В самом начале переходного возраста, когда стали проявляться первые его признаки: самолюбование, дерзость, эгоистические проявления и желание отгородиться от домашних, я сказала:

— Теперь ты будешь взрослеть. Тебе часто захочется мне грубить и говорить нехорошие вещи, быть самому по себе и уйти из дома. В такие моменты ты должен помнить, что я — тот человек, который будет всегда за тебя, а тебе потом, спустя годы или десятилетия, будет стыдно за лишние слова и грубые поступки.

Сын первое время и вправду, огрызнувшись, наклонял голову, думал, потом смотрел в глаза светлым своим взором и произносил:

— Прости.

7

Я вышла замуж. Не за отца Нила. Сыну к тому времени было десять лет. Он всегда казался мне взрослым. Но теперь я смотрю на его фото и удивляюсь тому, насколько маленьким он был пять лет назад. Маленький взрослый мой старший сын. Тамада на свадьбе пустил по кругу плакат, на котором все желающие могли написать поздравления. Нил написал: «Проживите хотя бы один год». Он был не рад свадьбе. А через некоторое время мне приходилось вечером выгонять его из нашей постели, где он лежал в обнимку не со своим отцом. Теперь уже он ни с кем из домашних ни за что в одну постель не ляжет. Теперь он действительно повзрослел.

6

Прошло время, и извиняться Нил перестал. Зато начал галантно произносить:
— Благодарю.

За ужин, за поданную вещь, за внимание, за маленькие семейные радости. За фрукты на красивой тарелочке, за выполнение его бытовых обязанностей, когда он устал, — за все хорошее я слышала галантное, теплое и снисходительное подростковое «Благодарю».

5

Что происходит в их отношениях с Тау или с другой девушкой — я не знаю. Нил не посвящает меня совсем. Ему проще сделать олли и уехать вдаль.

4

Сын любит младших детей. Отправляясь в поездки, он нежно прощается с каждым из них. Обнимает их и тетёшкается.

— Митрофанчик, — говорит он. — Ты такой... — Обнимает его.

— Иди сюда, — говорит он Лиене. — Ты уже большая. — И улыбка, когда линия губ остается прямой, а улыбаются углы рта. И глаза у сына в тот момент зеленые.

— Зоя... Малышка. — Нежностью полной улыбки брат и сестра тешат друг друга.

И Нил уезжает.

Он возвращается повзрослевшим, с новым опытом и чувством собственного достоинства от его приобретения. За вечерним семейным чаем Нил рассказывает лучшие впечатления, показывает фото. Он наш семейный герой и посол в иные страны.

Мы ездим в храм каждые выходные. У нас большая машина, нас много. Мы как хорошо слаженный механизм, большая семья. Выходим из дома, садимся в авто и слушаем последование к причащению. Дети засыпают и спят до самой литургии. Их мягкие лица плавятся под действием снов. Мы ездим в Данилов монастырь. И я благодарю за это Бога. Мы выходим из машины. Двое взрослых, Нил и трое малышей-погодков. Прохожие удивляются тому, какая же большая идет семья. Пурга залетает за воротники, но за пазухой тепло-тепло. А лед под ногами страшен лишь тем, что можно поскользнуться, но от этого только веселее. В храме молитва и благолепие, чистота и дым кадила. Счастье бытия и верность Богу.

3

И я совсем не хочу верить в то, что у моих детей будет когда-нибудь в жизни свое дно, глубина своих страхов и своя эйфория. Я не знаю, в чем это будет заключаться, и молюсь, чтобы Господь сохранил их от духа безбожия, нечестия и блудодействия; сподобил их стать одесную славы Его.

2

Лес говорит, а вернее, молчит со мной, голосом Бога. В воздухе я вижу птиц. Они летят. Они летят быстрее.

1

Я снова свободна. Как будто дышу впервые. Так бывает у новорожденного и у матери после рождения ребенка.

А после причастия живешь небом. Все незавершенное соотносишь с ним, выкидывая несоотносимое. Больше нет лишних дел, все отступает на второй, третий план. Кроме него, неба.